

Марабу петить не может

«Мой дрозд больше не поет» — рабочее название нового фильма Отара Иоселиани

Валерий КИЧИН

Теперь фильм называется еще печальней. По-французски: «Adieu, plancher des vaches!», буквально — прощай, хлев!

Иоселиани приехал в Канн на премьеру. Мы беседуем в баре «Гранд-отеля». Мастер только что дал кому-то интервью, его давно ждут для какой-то деловой встречи, но он не умеет торопиться. «Садитесь поудобнее», — широким жестом приглашает он так, словно готов подарить нам весь вечер. Никто не умеет проживать мгновение так полно и вкусно, как этот грустный 65-летний раблезианец.

Разговор.

О тонкостях лингвистики

— В чем смысл названия и как его перевести на русский?

— Я не знаю. Plancher des vaches — так называли землю ухаживавшие в плавание моряки. Иронически и немножко презрительно. Перевести на русский — будет нелепо: «Прощай, коровник»? «Прощай, хлев»? Слишком грубо. Наверное, для русского экрана придется придумать другое название. Помните фильм Трюффо «Четыреста ударов»? Перевели дословно — и нельзя было понять, что за удары и почему четыреста. А во Франции так называют сорванца! Вот и надо было перевести: «Сорванец». Но оставим название в покое, иначе мы зайдем в дебри.

Фильм.

Бесплодные усилия любви

Это одна из лучших картин «позднего Иоселиани». Он долго адаптировался к своей французской жизни и теперь даже названием обозначает расставание с иллюзиями. Новая жизнь иллюзий тоже не вызывает. Дрозд в фильме стал птицей марабу — большой, глупой и агрессивной, но Иоселиани сохранил свою обаятельную манеру кинорассказа — никого не осуждает и всех любит. Его Франция напоминает его Грузию — так же колоритны типы и характеры, так же все начинается и кончается вином и пением, такая же течет кругом забавная и печальная жизнь, такие же веселые и опасные бродят по ней мальчишеские компании. Только эта жизнь прагматичная, и она, кажется Иоселиани, искажена страхом перед будущим.

Богатая семья. Глава — бизнес-мама с вертолетом и обширными деловыми связями. Сын смотрит в сторону, меняет костюм на спецовку, авто на мото, чего-то ищет в кругу клошаров, с ними дружит. Папа во всем изверился и пьет. Его играет сам Отар Иоселиани.

Разговор.

Хорошо там, где нас нет

— У этой семьи есть конкретный прототип?

— Нет. Конечно, если бы фильм снимался в Грузии или в России, то мы нашли бы «новых русских» или «новых грузин». И этого папашу, который мечтателен, нелеп, грустен и ищет истину в вине. И энергичную деловую даму, которая все это себе отхапала — и дом, и бизнес. И мальчика, который хочет вырваться из этой среды. В любом обществе есть люди, которые не удовлетворены тем, что их окружает. Отчего и возникла пословица «Хорошо там, где нас нет». А потом попадешь туда, где тебя не было, и выясняется: все то же самое!

— Это и произошло с вами?

— Нет, ведь я не эмигрировал. Я живу в Грузии. Но вынужден работать во Франции, потому что в Грузии кино в плачевном положении. Как и в России. Там моим коллегам стало очень трудно работать. Я не говорю — киношникам. Коллегам. Людям, которые хотят думать и что-то важное донести до зрителей.

— Вы считаете, прежде было легче?

— Всегда было трудно, но при цензуре было хотя бы весело. Было с кем бороться. Когда Панфилов или Тарковский снимали свои фильмы, это было как открытое окно, откуда проникал свежий воздух. Было очень много возможностей обдурить цензуру, обойти ее. А с чистоганом не очень-то поборешься. Поэтому в России возникла дилемма: или «Титаник» снимать — или сиди без работы. Вот в этом глубокая печаль.

— Рынок там, рынок здесь — в чем отличие?

— Во Франции заботятся о кинематографе как области культуры. Даже если фильмы моих коллег здесь и не приносят дохода, на поддержку национального кино идут деньги от проката американских фильмов. Это придумано очень здорово. И этот опыт важен для России, где много молодых талантов, которые прозябают и ста-

Звезды фильма

реют и надежды снять фильм у них все меньше. Он важен для Грузии — там есть мощный отряд кинорежиссеров, а денег нет.

— И потому вы чаще здесь, чем в Грузии. Ваша дочь не хочет к вам переехать?

— Ни в коем случае. И она не хочет, и я не хочу, и как только заканчиваю работать над фильмом, сразу еду домой в Тбилиси. Она художница и приезжает делать мне раскадровки. Я ей даю схемы, как все должно происходить, а она рисует. Когда есть раскадровки, я уже не думаю о конструкции сценария — он уже сконструирован. И мы работаем довольно непринужденно и быстро.

Фильм.

«Новые французские»

Николя девятнадцать лет. Очень благополучный — математик, физик, знает историю искусств, не чужд музыке. Но его мир замкнут. Учись, танцуй, ешь-пей — не хочу. Работать не обязательно. И он разрывает этот круг. Работает мойщиком окон, моет тарелки в кафе, легко меняет девушек. У него но-

вые друзья — бездомные, клошары. С ними хорошо пить и принимать авантюры. Одна заканчивается тюрьмой.

Разговор.

Все свое ношу с собой

— Как вы определяете тему фильма?

— Человек везде не на своем месте. Вот матросы радуются, покидая свой «хлев». Уезжаешь — и кажется, что проблемы позади. Но в море нельзя жить долго. И начинает мучить ностальгия. И думаешь: не так уж там было плохо, на земле. Фильм — род параболы о вечной неудовлетворенности, которая в нас живет. С самого рождения мы вынуждены жить в назначенной нам раковине и мечтаем освободиться, найти какое-то другое жизненное измерение. В юности кажется, что жизнь сложится романтично, героично, духовно богато. Но сегодня большинство молодых людей очень скоро понимают, что им предстоит мошенничать и врать. Что будущее не столь лужезарно и нужно много шустрить,

прежде чем обрешь место под солнцем.

— Почему вы снимаете только неизвестных актеров?

— Потому что известные тянут за собой шлейф своих ролей, а меня интересуют уникальные индивидуальности. Кроме того, я стараюсь брать людей, которых знаю, люблю и которые мне духовно близки. Во Франции их найти трудно. Я не смог найти на роль Николая такого молодого человека, который не имел бы печати озабоченности на лице и во взгляде. И привез из Тбилиси моего внука, который вырос в нормальной семье и пока еще сохранил некоторую беззаботность.

Фильм.

Замкнутый круг

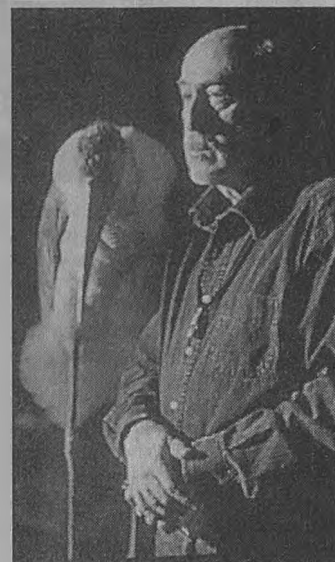
Кроме вина, папаша нашел себе развлечение в игрушечной железной дороге. Крохотные поезда деловито мчатся по крохотным мостам и долинам, преодолевают холмы и туннели, гремят на стрелках, описывают сложнейшие траектории — чтобы, замкнув круг, вернуться к исходной точке. Зрелище завораживает, и не сразу понимаешь, что здесь — символ жизни. Играющий папашу Иоселиани устало и мудро следит за механической круговертью, за этой иступленной деятельностью, не имеющей результата.

Разговор.

Святая радость диссидентства

— Вы говорили об отказе от иллюзий юности...

— Я говорил о том, что всякая деятельность, связанная с надеждой переустроить мир, как и уверенность, что ты владеешь истиной в последней инстанции, — свойственны революционерам. Диссидент — вид революционера. Инакомыслие — увлекательное занятие, особенно в стране, где прожиточный минимум обеспечен. К счастью для наших диссидентов, такая страна у них была. И мы немножко повеселились, не думая о том, как исторически устроена Россия, какой груз крепостничества на ней лежит и что такое Соловей-разбойник. Забыли обо всем этом. И о том, что это не Сталин по своей прихоти погнал Россию в лагерь, а сам русский человек гнал русского человека. И что большевизм — явление, возможное только в России. Хотя первая революция случилась во Франции. Поотрубили головы врагам народа, потом поотрубили тем, кто ру-

Отар Иоселиани в роли папаша

бил. А думать, что одна система сменится другой — и настанет рай, как это делали диссиденты, — это маниловщина.

— «Мой дрозд больше не поет» — что, «певчий дрозд» на Западе невозможен?

— Ох, здесь все так заняты гонкой — выжить, устроиться, урвать кусочек... Наш романтизм был возможен в стране, где кормили — пусть маленькую ложечкой, но регулярно. И можно было заниматься аристократическим делом — философией, поэзией. Мы получали удовольствие от борьбы с властью, от страданий, от того, что достали запрещенную книгу. Мы имели удовольствие обсуждать разносы Хрущева, выпустить подпольный альманах «Метрополь» — все это складывалось в целую гамму удовольствий. Поэтому за удовольствием жить подобно бабочке для моего Дрозда стояла целая система жизни. Было много ограничений, были закрыты границы, но внутри этой системы, как в концлагере, все были братья. И могли шалопайничать, веселиться, жить небрежно. Все, исключая несчастных коммунистов, которые потом переродились в «новых русских». Только они были удручены соображениями карьеры.

Мы воображали, что Запад — рай, там нет цензуры, границ и материальных проблем. Точно так же западные коммунисты, троцкисты, анархисты, маоисты таким раем считали СССР и Китай. Теперь я думаю, что эти мечты — род якобинства. Они кончились плохо.

Вот почему в фильме мы погружаем наших героев в общество, где такие мечты вообще практически не существуют. Где доминирующая нота — страх за будущее.

— Ваш будущий проект?

— Его нету.

— А свою Грузию вы еще будете когда-нибудь снимать?

— Если там будет кинематограф. Лет через пятьдесят.